

М.Ю. Стояновский,
*доцент Литературного института,
кандидат филологических наук*

В пространстве мифа А.Блока

(Стихотворение «Миры летят. Года летят...»)

У А.Блока есть стихотворение, которое по праву можно назвать шедевром символистской поэтики. Оно довольно часто упоминается в исследованиях творчества Блока, но однако само не подвергалось пристальному анализу. Между тем заметные и незаметные содержательные связи этого произведения могут дать весьма многое для понимания творчества поэта, его полемичных мировоззренческих и художественных установок. Речь идет о написанном в июле 1912 года стихотворении «Миры летят. Года летят...»:

Миры летят. Года летят. Пустая
Вселенная глядит в нас мраком глаз.
А ты, душа, усталая, глухая,
О счастье твердишь — который раз?

Что счастье? Вечерние прохлады
В темнеющем саду, в лесной глуши?
Иль мрачные, порочные улады
Вина, страстей, гибели души?

Что счастье? Короткий миг и тесный,
Забвенье, сон и отдых от забот...
Очнешься — вновь безумный, неизвестный
И за сердце хватающий полет...

Вздохнул, глядишь — опасность миновала...
Но в этот самый миг — опять толчок!
Запущенный куда-то, как попало,
Летит, жужжит, торопится волчок!

И, уцепясь за край скользящий, острый,
И слушая всегда жужжащий звон,-
Не сходим ли с ума мы в смене пестрой
Придуманных причин, пространств, времен...

Когда ж конец? Назойливому звуку
Не станет сил без отдыха внимать...
Как страшно все! Как дико! — Дай мне руку,
Товарищ, друг! Забудемся опять.

Анализ данного произведения позволил бы студентам и учащимся школы на достаточно компактном материале усвоить систему поэтических приемов А.Блока, особенности символистского текста: его системную многоуровневость (включающую парадигматику, синтагматику, прагматику), его содержательную многослойность, в которой взаимодействует реальное, метафизическое и мистическое. Работа над конкретным стихотворением, раскрытие его смыслов предполагает и известную локальность предмета, и привлечение других текстов Блока, составляющих определенную парадигму с исследуемым материалом, а также привлечение текстов других поэтов, взаимодействующих с творчеством Блока, как предшественников, так и последователей.

«Миры летят. Года летят...» появились в связи с реальным событием: катанием на «чертовом» колесе, причем под «чертовым» колесом здесь надо понимать не колесо обозрения, сейчас так часто называемое, а вертящуюся платформу, на которой необходимо удержаться вопреки центробежной силе. Но этот реальный, частный, личный и вполне бытовой факт почти не угадывается в стихотворении, он обобщен, абстрагирован и драматизирован пространством блоковского мифа.

А.Блок создает грандиозную мифопоэтическую картину, сочетающую космогоническое пространство и остроту онтологических вопросов, бытие макромира и микромира, внутреннюю жизнь самобытного «я» лирического героя и сознание всего человечества. Это стихотворение отражает своеобразную экзистенциальную программу А.Блока, программу, задающую направление развития блоковского мифа.

Уже первая строфа стихотворения дает два взаимодействующих и противоположных «измерения»: первое — это макромир, Вселенная, полная множеством движущихся миров и... «пустая», поглощающая все в своей бесконечности, Вселенная вечная, но в вечности которой летят и исчезают года, то есть исчерпывается человеческая жизнь; второе «измерение» — это микромир, душа человеческая, душа лирического героя, которая постоянно, неизменно («вечно»?) требует счастья и смысла.

Это две «живых» бездны, что фиксирует строка «Вселенная *глядит* в нас мраком *глаз*». Единство и чуждость этих бездн тонко фиксирует звукопись блоковского стихотворения: звук «л» на протяжении всего стихотворения «обслуживает» и «жизнь» Вселенной (полет, волчок, прохлада, глушь) и жизнь души человеческой (глухота, усталость). Такие скрещения, а также другие элементы звукописи, встречающиеся в этом произведении и характерные для поэтики символистов, устанавливают дополнительные семантические связи, фиксирующие нерациональный и надчеловеческий уровень Бытия. Задаются те соответствия, которые хранит «вещь в себе», которые таинственны, непостижимы, закрыты для сознания, существуют вне и помимо его, над ним — тогда как единство-соответствие на риторико-тематическом уровне отрицается.

В данном стихотворении А.Блок реализует известный поэтический символистский миф, миф герметический в своих корнях, миф о двух безднах, глядящихся друг в друга, у каждой из которых своя тайна и тайна, общая для всех. Это картина, строящаяся на характерной для мифа бинарной оппозиции живого хаоса, вечного становления и разрушения, смысл которого непостижим человеком, и желанного человеком космоса, достижимого лишь в забытии, во сне, в отвлеченности от реалий мира (здесь символизм оплодотворяли идеи А.Шопенгауэра, опосредующие индийскую мифологию с ее представлением о нирване).

Положительное единство «бездн», характерное для мифа символистов-«соловьевцев», здесь Блоком не признается: «усталая, глухая» душа лирического героя, современное «я», глядит вовсе не во вне, а внутрь, в себя, и «глуха» она не только к тайне макрокосма, но и одинока среди себе подобных, среди других людей (противостояние Вселенной и «нас» осложнено: «а ты, душа»).

Интересно, что блоковское стихотворение противопоставляет душе не только Вселенную, которая «глядит в нас мраком глаз», но и самого человека. Это противопоставление, видимо, носит характер устойчивой оппозиции «душа — тело». Вселенная здесь обездушивается — и это шаг к дальнейшей механистической картине, — а человек оказывается между двух бездн, «внешней» и «внутренней», каждая из которых властвует над ним.

Вторая, третья и, частично, четвертая строфы стихотворения разворачивают основную тему, тему человеческого счастья.

Вторая строфа начинается с вопрошания о счастье и опять же в двух «измерениях», поддерживая образы и метафизику первой строфы: вопрошается о счастье как причастности к жизни макрокосма и счастье замкнутого в себе микрокосма. Счастье как «вечерние прохлады В темнеющем саду, в лесной глуши» — это счастье слиянности с природой-гармонией или природой — первозданной стихией, с пантеистской и соловьевской Душой Мира, ее Тайной-Бездной, с живой тканью бытия, пронизанной инобытием. Эта картина единства человека и мира, человека и Бога часто использовалась символистами, была устойчива уже у романтиков и предромантиков. Этот же образ счастья будет

востребован и развит Блоком в программной поэме «Соловьиный сад» (1914 — 1915 гг.), где его позитивная притягательность — красота, гармония, любовь, покой — будет отвергнута как искусственный, замкнутый, далекий от тревог настоящей человеческой жизни мир-сон.

Счастье как «мрачные, порочные улады Вина, страстей, погибели души» — это счастье замкнутого в себе микрокосма, счастье человека, который сознательно хочет забыться, истребить свою душу, забыть сам вопрос души о счастье.

Вторая строфа соотносима с первой, как уже говорилось, не только метафизической, но и образным рядом: «мрак глаз» Вселенной дополняется «вечерними прохладами в темнеющем саду, в лесной глуши» и «мрачными, порочными уладами» души.

Счастье как слиянность с культивированной, искусственной гармонией (пребывание в «саду»), как растворенность в бездне-хаосе («в лесной глуши»), как забытие — отстраненность не только от мира, но и от жизни души, видимо, не удовлетворяет поэта и его лирического героя. Вопрос о счастье снова звучит в третьей строфе. Кажется, в ней, отталкиваясь от предыдущих формул счастья, Блок приходит к общему и истинному определению счастливого существования: «Что счастье? Короткий миг и тесный, Забвенье, сон и отдых от забот....» Интересна опора этого определения на звук «т» (звуковой комплекс «то-от»). Можно с определенной долей уверенности предположить, что данная звукопись продуцирует семантику точки-отстраненности. Счастье мимолетно, ограничено и отстранено от настоящего. Формула «Короткий миг и тесный...» отсылает к «космогонии» первой строфы: «Миры летят. Года летят...», противопоставляя «объективной» вечности и бесконечности чуждой душе «пустой Вселенной» исчезающе малый отрезок времени и замкнутый едва ли не человеком объем пространства, которые насыщены внутренней жизнью. Драматизм обретенной истины возрастает в ситуации бесконечного повторения: настоящее всегда возвращается пугающим душу отсутствием Смысла, полетом в бездну: «Очнешься — вновь безумный, неизвестный И за сердце хватающий полет...»

Четвертая строфа закрепляет мысль о призрачности покоя во враждебном мире, давая развитие темы периодичности, повторяемости ситуации, где миг равновесия, кажущейся безопасности сменяется полетом, внезапным, стремительным и бессмысленным движением, погружением в хаос («вновь... полет» предыдущей строфы дополняется — «опять толчок»). Утверждается образ «дурной бесконечности», цикличности, слепого, однообразного, бездуховного, механистического действия: «Запущенный куда-то, как попало, Летит, жужжит, торопится волчок». Этот образ бесконечного, но исчерпаемого в однообразии зеркального повтора мира далее развивается А.Блоком в стихотворении «Ночь, улица, фонарь, аптека...» (10 октября 1912 г.).

Пятая строфа снова и значимо фиксирует постоянство безумного полета (параллелизм первой и второй строк с союзом «и», наречие

«всегда», продолжающее парадигму «который раз»-«вновь»-«опять»), но переносит акцент на его последствие: безумие его участников, людей. На уровне звукописи (звуковой инструментовки) фиксируется доминанта «с», передающая стремительное движение, рассечение воздуха со свистом, и отражающие рычащую «работу» некоего механизма-волчка сочетания «кр», «стр», «п-стр», «пр», «пр», «пр-стр-ст», «р»: «И, уцепясь за край скользящий, острый, И слушая всегда жужжащий звон, — Не сходим ли с ума мы в смене пестрой Придуманных причин, пространство, времен...» С точки зрения звукового сопровождения этой строфы интересен и звук «м», фиксирующий то ли стон, то ли безумное мычание, охватывающее всех людей — этот звук «топит» местоимение «мы»: «Не сходим ли с ума мы в смене пестрой Придуманных причин...». Обращает на себя внимание оксюморон «жужжащий звон», усиливающийся на фоне указанной звукоподражательной доминанты «с». Он тоже отражает безумие, причем, работа его осложнена заявленной еще в первой строфе «глухотой души». Если душа «глуха», то в поэтическом мифе Блока это означает, что она не обнаруживает в мире Музыки, то есть не видит красоты, смысла, гармонии. Таким образом, то, что воспринимаем «мы», современные люди, как действительность, это какофония, безобразность, надуманность, случайные и бессмысленные сочетания.

Шестая строфа начинается с безысходной и амбивалентной фразы «Когда ж конец?», относящейся то ли к бесконечности, повторяющемуся круговращению безумного мира, то ли к страдательной жизни человека. В первом случае вопрос носит характер риторического — Вселенную не изменить, — во втором обращен к воле людей. Этот вопрос возвращает к предыдущим определениям счастья как безусловно *конечного* — «короткому» и «тесному» мигу, но направляет мысль от констатации ограниченности счастья к требованию прервать дурную бесконечность мира, разрушающее созерцание ее.

Блок в очередной раз подчеркивает здесь враждебно-безразличное, бесчеловечное, немзыкальное постоянство Бездны-Вселенной. И опять на лексические показатели наложены показатели фонетические: короткий вопрос «Когда ж конец?» дублирует звуковой комплекс «ко». Далее доминируют звуки «з» и «с», возвращающие к предыдущей строфе, где тоже «с» — опорный звук, передающий стремительный, безумный полет: «Назойливому звуку Не станет сил без отдыха внимать... Как страшно все! Как дико!». Блок в общем-то дублирует и последние оценочные фразы, нагнетая апокалиптические ощущения. И разрешается все требованием того же эфемерного и краткого забвения-счастья, которое, казалось бы, всячески уმაлялось в своей зыбкости предыдущими строками стихотворения. Но требуемое сомнительно спасительное забвение имеет существенный нюанс: это не одиночество, не отчужденность от всего, не индивидуалистический коллапс, но при невозможности найти понимание и смысл в макрокосме (у Блока здесь едва ли не деградирующего в Хаос) — это жажда соединения,

соучастия в единой трагической (страдательной) судьбе микрокосмов, людей.

Возникает тот же парадокс, который присутствует в ранее написанном Блоком стихотворении «И вновь — порывы юных лет...» (19 июня 1912 г.), где при утверждении, что «счастья не было — и нет», что «счастья и не надо было, Что сей несбыточной мечты И на полжизни не хватило», что счастье — «зыбкая», «детская мечта», возникает мысль о единстве людей в этой драматической безысходной настоящей ситуации. И осознание общности людей здесь является утверждением спасительной связи в этом мире — пусть и призрачной перед всеобъемлющим Хаосом (см.: «И все уж не мое, а наше, И с миром утвердилась связь...»).

Экзистенциальная программа А.Блока, представленная в стихотворении «Миры летят. Года летят...», находится в русле «первородного» четверостишия И.Анненского: «Что счастье? Чад безумной речи? Одна минута на пути, где с поцелуем жадной встречи Слипось неслышное прости?», но является частью специфического блоковского поэтического мифа, где склоняется собственная проблематика, выстраивается своя парадигма. Заметим, что стихотворение Блока опирается на слова-символы, характерные еще для первого этапа его творчества: «душа» (самое частотное у молодого поэта), «сон», «темный», «звук», «глаз», «друг», «мир».

И.Анненский утверждает краткость, временность, преходящесть счастья, счастья как встречи любящих людей, Ее и Его, счастья-безумия. Блок уходит от камерности и интимности Анненского. Это происходит не только вследствие расширения пространства конфликта: человек и Вселенная,— но и в обобщении опыта лирического героя, и в утверждении формулы счастья не как любви Ее и Его, а как сопричастности всех людей в трагичном настоящем. Очень важна в блоковском стихотворении позиция, с одной стороны, неприятия страшного мира, дистанцирования от его безумия, дикости, а с другой стороны, требование подвига быть с этим миром, с людьми.

Для перспектив блоковских смыслов, проявляющихся в анализируемом стихотворении, очень важна поэма «Соловиный сад», где забвение, сон, забытие в прекрасном мире даже с кем-то близким — это побег от своего драматичного времени, это измена своему призванию, это невыполнение своего необходимого подвига, который вершится не для высших (горних) сил, а для дольного мира и с ним. Лирический герой «Соловиного сада» возвращается к мужественному противостоянию Хаосу, к бедам и трудам людским.

Блок в стихотворении «Миры летят. Года летят...» плодотворно использовал коды декадентской модели символизма, для которой важны поляризация дольного и потусторонне-космических сфер, тела и духа, добра и зла. В поэтической «онтологии» декадентов нет равновесия природы и человека. Для этой модели «вечное» и «бесконечное» суть знаки пустоты мира и бесцельности жизненного пути (см. А.Ханзен-

Леве. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Ранний символизм. — СПб., 1999. С. 115). Путь, движение характеризуются здесь как губительная дорога, блуждание, пустое кружение, невозможность вырваться за грань отрицательного пространства, достичь желаемой цели. Бессмысленному повтору-движению во внешнем мире соответствует и кружение сознания, угрожающее хаосом внутреннему миру (блоковское стихотворение смоделировано на «навязчивых» повторах).

Блок вроде бы придерживается и мотива нисхождения — погружения в должную бездну своего лирического героя, но здесь поэт и уходит от декадентской уединенности, от позы безразличия, которые основаны на самодостаточности Я, надежде, что «развертывание» своей души вполне нейтрализует конфликт мира и человека. Этой эгоцентрической, во многом эстетической и гедонистической программе, как и программе положительного единства символистов-соловьевцев, к которым принадлежал и сам, он противопоставляет свою положительную программу, свой миф «вочеловечивания», вписывая туда декадентскую тему.

Общей оппозиции (многочисленным оппозициям, создающим структуру стихотворения), которую питает \ которой питается негативность бытия, Блок предлагает альтернативу — единство людей, то есть еще одну «оппозицию», но именно человеческую, способную противостоять и стихии макрокосма и стихии микрокосма. Сильная позиция заключительной фразы: «Дай мне руку, Товарищ, друг! Забудемся опять», — с ее «центростремительными» смыслами и положительной окраской слов «товарищ» и «друг» отчасти компенсирует ужас и дикость мира, представленного круговращением, циклическим возвратом образов и тем в предыдущих строках.